Слово редактора

Виктор Вахштайн

От политической антропологии к социологии власти

Словосочетание «Социология власти» одновременно парадоксально и подозрительно.

Культура подозрения, укоренившаяся в семантике отечественного обществоведения, не допускает существования неангажированной социологии — всякое социологическое исследование работает либо «на власть», либо против нее. Аморфная, лишенная всяких субстанциальных качеств «Власть» (непременно с большой буквы) мыслится или как заказчик, или как объект прогрессивной критики. Но в обоих случаях она выступает скорее в качестве условия возможности социальной науки, нежели ее предмета. А потому в сегодняшней России крайне сложно представить себе дисциплину «Х-логию», которая бы всерьез утверждала формулу «Х-логия Власти» и не подпадала под перекрестный огонь политического подозрения (причем, как «справа», так и «слева»).

Впрочем, извечная подозрительность социологов сама по себе крайне подозрительна. В ней произвольно смешивается марксистская культура классового подозрения, позднесоветские представления о «трансцендентальной» партийности, интеллигентское стремление к «соучаствующему познанию» и, наконец, глубокое погружение постсоветских социологов в политическую жизнь страны. Противопоставить этому наследию ангажированной постсо-

Виктор Семенович Вахштайн — кандидат социологических наук (ГУ-ВШЭ, 2007), заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета РАНХиГС, директор Центра социологических исследований Института социально-экономических исследований РАНХиГС.

ветской социологии можно только веберовский тезис ценностной нейтральности, «свободу от оценок», которую российский обществоведы ошибочно трактуют как «свободу от ценностей».

Наука — и социология в том числе — вовсе не свободна от ценностей. Напротив, ценностные основания — единственные прочные основания научного поиска. Но это эпистемические ценности, ценности познания (Никлас Луман называл их «Eigenvalues», «собственными ценностями» системы науки). Свобода от ценностей означает, что социолог (особенно социолог, делающий своим предметом властные отношения) не апеллирует ни к каким иным ценностям, кроме ценностей познания. Он не пытается сделать свой объект лучше, не стремится к добру, красоте и улучшению человеческой жизни. Он не строит демократию и не способствует иному прогрессу, кроме прогресса науки. Его единственная задача — познавать свой предмет настолько, насколько позволяет ему это сделать его собственный исследовательский язык.

И здесь мы сталкиваемся с новой проблемой.

Ценностная нейтральность — необходимое, но недостаточное условие существования «Социологии власти». Для ее, власти, изучения у социолога должен быть внятный исследовательский язык — со своей семантикой, синтаксисом и, главное, прагматикой. В языке же современной социологии «власть» (с чем бы ни ассоциировал этот концепт наш исследовательский здравый смысл) — есть нечто крайне неопределенное и бесформенное.

Усилиями французских теоретиков последней трети XX века власть более не ассоциируется ни с какой внятно определенной инстанцией или институцией. Ни государство, ни невидимая рука рынка, ни класс-гегемон, ни, тем более, рациональная бюрократия больше не представляются носителями власти per se. У власти нет ни центра, ни периферии, она не трансцендентна миру повседневных человеческих отношений. Эта стремительная «дисперсия власти» в языке социальных наук привела к тому, что теперь выражения «власть технологий», «власть архитектуры», «власть повседневности», «власть истории» больше не являются метафорами; это вполне легитимные темы исследований из области социологии власти (некоторым из этих тем мы планируем посвятить отдельные тематические номера). Платой за такое расширение ареала становится пугающая пролиферация объекта — не осталось ни одного укромного уголка социального мира, в котором социология власти не обнаружила бы нечто релевантное ее интересу: от реформы полиции до приручения животных.

Избыток объектов исследования дополняется дефицитом исследовательского языка. Как следует мыслить властные отношения в мире, где эти отношения повсеместны и рассеяны? Можно ли изучать то, что не имеет внятной локализации в пространстве социальных институтов?

Как никогда прежде, мы сегодня страдаем от дефицита языков описания. А потому первостепенной задачей исследователя становится поиск необходимых «выразительных средств», способов мышления и воображения, метафор и конкретных аналитических инструментов, позволяющих социологам «работать» с «властью». Именно такова сверхзадача нашего журнала.

Всякий раз, обнаруживая неполноту собственного языка, социолог обращается к смежным дисциплинам, в надежде отыскать в них новые ресурсы мышления о своем объекте. В этом номере мы решили обратиться к политической антропологии — конкретно, к работам Джеймса Скотта, одного из самых выдающихся исследователей политических институтов. Скотту удалось то, что не удалось социологам — превратить оптическую метафору («Государство видит...», «Церковь наблюдает...», «Муниципалитет рассматривает...») в полноценный исследовательский инструмент.

Номер открывается статьей профессора Теодора Шанина, близкого друга Дж. Скотта, многое сделавшего для популяризации его работ в России. Определяя сферу исследований Скотта, Шанин называет ее «этнографической социологией», возвращая тем самым из небытия, казалось бы, давно забытый исследовательский проект начала столетия — проект создания особой дисциплины на стыке социологии и этнографии.

В статье «От одомашниваний в неолите к оседлости в империях: концепция истории борьбы между государством и безгосударственными людьми (варварами) Дж. С. Скотта» Александр Никулин предлагает свое оригинальное прочтение последних работ Скотта, прослеживая теоретическую эволюцию автора — он показывает, как антропологическая логика мышления может быть продуктивно использована применительно к экономическим, социальным и — в пределе — философским вопросам.

Статья Василия Кузьминова, напротив, посвящена скрупулезной деконструкции скоттовского аргумента. Он показывает, где оптическая метафора дает сбой, каковы ее «врожденные дефекты» и как — с опорой на актуальные теоретические ресурсы (особенно из области социологии техники) — может быть трансформирована исходная антропологическая постановка проблемы о природе власти и государства. Аналогичным образом, Андрей Самодин пытается выявить природу «оптического обмана» скоттовской метафорики, и — что любопытно — приходит к сходным выводам принципиально иным аналитическим путем.

Павел Степанцов, развивая эту же линию анализа, транспонирует оптическую метафору — метафору «видения» — на современные российские университеты. На примере проведенного эмпирического

исследования он показывает, как антропология государства становится продуктивным источником концептуализации для социологии высшего образования. Раздел эмпирических исследований продолжают статьи Кирилла Титаева «Хитроумные полицейские. Почему провалились все проекты улучшения правоохранительной деятельности в России», Дарьи Димке «Жизнь по законам искусства: утопическое зрение и героические сообщества (на примере Коммуны юных фрунзенцев)» и Дмитрия Рогозина и Ирины Шмерлиной «„Фантом коррупции“: аналитическая реконструкция общественного феномена».

В разделе «Переводы» мы впервые публикуем на русском языке тексты Николая Ссорина-Чайкова «Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства» (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири»), Джеймса Фергюсона «Видеть как нефтяная компания: пространство, безопасность и глобальный капитал в неолиберальной Африке», Мэри Дуглас «Как мыслят институты?» и Джона Ло «Оптика опроса». Все эти работы представляют особый интерес для исследователей, работающих на стыке антропологии государства и социологии власти.

Конечно, «оптическая метафора» Джеймса Скотта (равно как и «когнитивная метафора» Мэри Дуглас) — не теоретическая панацея, а лишь удобный эвристический прием, позволяющий проследить связь между утопическими проектами, оптикой институтов, языком социальных групп и властными отношениями. Нам показалось интересным разобраться с именно этой группой теоретических ресурсов, явно недооцененных в современном российском обществоведении.

В конечном итоге, любой теоретический ресурс — лишь ресурс исследовательского воображения. Не больше. Но и не меньше.